

Конституционализм и архетипы русской власти (casus 1906 года)

Кочетков В.В.

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры государственного
и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС
E-mail: vovov69@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор на основе понимания конституционализма как особой формы правосознания рассматривает процесс рецепции конституционных публично-правовых институтов и архетипов в обществе, в котором господствует традиционное правосознание, на примере анализа текста Основных законов Российской империи 1906 г., а также доктринальных толкований их положений правоведами того времени.

Ключевые слова: конституционализм, архетип, правосознание, публично-правовой институт, рецепция, самодержавие, Основные законы 1906 г., Октябрьская революция 1917 г.

Предметом данной работы является проблема рецепции конституционных институтов в обществе с традиционными архетипами правосознания на примере анализа Основных Законов Российской империи 1906 г. и толкований их положений юридической наукой того времени. Иначе говоря, меня интересует вопрос, почему в начале XX в. не был использован шанс стабильного конституционного развития России. Прояснить этот вопрос тем более важно, что и РФ, возникшая на обломках Советского Союза, все двадцать лет своей истории также балансирует между свободой и несвободой. И, несмотря на то, что еще в 1993 г. впервые в российской истории была принята демократическая конституция, у большинства населения страны создается впечатление, что свобода ведет к хаосу и распаду государства.

В данной работе под конституционализмом понимается особая публично-правовая этика (форма правосознания), а также дедуцируемая из её исходных ценностей (архетипов) реальная политическая практика, которая считает возможным и необходимым строить на рациональной основе систему государственного управления, то есть порядок взаимоотношений между гражданином и властью, между гражданами, а также между суверенными государствами. Эта форма правосознания исходит из признания равного достоинства за каждым свободно определяющимся (суверенным) субъектом социума (индивид, группа граждан, нация) или международного сообщества (государство). Данное признание достоинства реализуется через предикацию естественных и неотчуждаемых (что есть гарантия свободы разума и воли в рамках правил поведения данного общества) прав (свободы делать/не делать что-либо) гражданина (объединений граждан, наций, государств) при условии признания последним (последними) и честного следования всей совокупности рациональных правил общественной, государственной и межгосударственной жизни. Говоря философским языком, конституционализм есть некая теоретическая

парадигма правосознания, решающая задачу по разработке определенных принципов справедливого устройства общественной жизни, которые позволяют обеспечить реализацию частной и публичной автономии для всех социальных субъектов. Также можно сказать, что она есть определенный способ рационализации правовых чувств (базовых ценностей) народа. Для него категории «свободы», «справедливости» и «человеческого достоинства» являются взаимосвязанными фундаментальными ценностями.

В этой связи также необходимо подчеркнуть, что конституция как политико-философский документ высшей юридической силы без конституционализма как определенной формы правосознания (картины мира) превращается, как правило, в фиговый листок правящего меньшинства, доминирующего над большинством. В этом случае властвующая элита через принятие конституции просто легитимирует свое господство перед мировым сообществом, подобно тому как на заре становления европейских государств каждый племенной вождь варваров мечтал получить королевскую корону из рук Папы Римского. Да, появлялись короли, но народы солидаризировались, конституируясь в нации, не через регалии правящего меньшинства, а на основе чувства собственного достоинства¹. В современном мире наличие конституции также есть признак суверенности правительства и, следовательно, признания его другими правителями как

¹ В этом плане показателен сравнительный анализ истории государства и права Англии и Франции. Как известно, признание английской королевской властью существования неотъемлемых и неотчуждаемых прав всех свободных людей, а не только баронов, пленивших короля Иоанна Безземельного, впервые зафиксированное в Великой хартии вольностей в 1215 г., резко контрастировало с борьбой французских феодалов за свои особые привилегии. Именно это и позволило Дж. Фортескью вполне обоснованно написать «Похвалу английским законам» в 1470 г. Представляется, что именно благодаря этим особенностям своей правовой системы англичане первыми в Европе осознали себя отдельной нацией, а не просто подданными христианского монарха.

легитимного и равного. Но наличие конституции, к сожалению, не свидетельствует о суверенности народа, о признании достоинства каждого человека через реальное гарантирование ему прав и свобод. Это также не свидетельствует о наличии в этой стране конституционализма как определенной формы правосознания.

Конституционное правосознание вступает в свои права, когда на повестку общественной жизни встает конституционный вопрос, который можно определить как когнитивный диссонанс между рационально выраженными ценностями свободы, справедливости и человеческого достоинства и отсутствием реальных условий для их реализации на практике. Конституционный вопрос взаимосвязывает отсутствие возможностей для реализации права на частную и публичную автономию с особенностями наличных властных институтов и тем самым подрывает легитимность существующего политического и правового порядка. В зависимости от способов решения конституционного вопроса, от уровня рационализации и имплементации ценностей конституционализма в государственном праве и политической практике, можно выделить подлинный и мнимый конституционализм, а также его различные национальные формы. Иными словами, различая подлинный или мнимый конституционализм, мы рассматриваем вопрос об имплементации основных архетипов конституционного правосознания (свобода, справедливость, достоинство, народный суверенитет др.) в систему государственного права конкретной страны. Говоря о той или иной национальной форме конституционализма, мы анализируем процесс рецепции конституционных публично-правовых институтов в конкретной системе государственного права и особенности рационализации архетипов конституционного правосознания в правовой доктрине.

Процесс рецепции конституционных архетипов и институтов везде занимал длительное время и носил нелинейный характер. На это обратил внимание еще М.М. Ковалевский, который писал в этой связи следующее: «Речь шла не о целостном перенесении — в Соединенные Штаты Америки или на континент Европы — английского парламентаризма, а о приспособлении системы народного представительства и ограниченной монархии к обществам, сильно демократизированным революционной доктриной и в то же время далеко не порвавшим всех связей с прошлым, не выработавшим в себе привычки самоуправления, внутренне раздвоенным сословными перегородками и не потерявшим еще пристрастия к сильной власти и правительственной опеке»².

² Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Ч. II. СПб.: Тип. «Север», 1908. С. 5. Конечно, равенство в бесправии также демократизирует общество, как и равенство перед законом. Разница заключается в том, что последнее

Если же мы обратимся к истории, то обнаружим, что даже в США, несмотря на культурную близость к родине архетипов конституционного правосознания — Англии, рецепция архетипов конституционного правосознания потребовала позитивизации соответствующих публично-правовых институтов (собственно говоря, поэтому и появилась идея Конституции как основного закона). И процесс этот, включавший в себя принятие Декларации независимости 1776 г., двух конституций (1777 и 1787 гг.), поправок к Конституции 1787 г., решений Верховного суда, занял примерно сто лет, начиная с революции 1776 г. и заканчивая отменой рабства на юге США после гражданской войны 1861–1865 гг. И еще примерно сто лет после этого происходила имплементация архетипов конституционного правосознания при помощи законодательной позитивной дискриминации в среде социально слабых групп и меньшинств. Аналогично дело обстояло и во Франции, которой понадобилось почти сто лет, начиная с Великой революции 1789 г., давшей некоторые классические конституционные формулы, и заканчивая учреждением Третьей республики в 1875 г. За это время Франция прошла через гражданские войны, ужасы якобинского террора, авторитаризм Наполеона I, реставрацию монархии Бурбонов и лже-конституционализм Наполеона III, ставшего первым плебисцитарным императором. Примерно такую же картину мы увидим, если обратимся к истории рецепции конституционализма в Германии, которая решала одновременно задачи по созданию единого государства и имплементации архетипов конституционного правосознания. Этот процесс условно начался в 1848 г. с так называемой Франкфуртской революционной конституции, развивался через принятие псевдоконституционных актов многочисленными германскими государствами, затем через Конституцию Германской империи 1871 г., облекшей в юридические формы мнимый конституционализм, а также через расцвет и гибель Веймарской республики (1919–1933 гг.). И только после принятия Конституции ФРГ в 1949 г. можно говорить об устойчивом конституционном развитии Германии³.

сопрягает свободу и ответственность в правосознании гражданина, а первое — свободу и произвол.

³ Такая неравномерность процесса рецепции конституционных архетипов и институтов в мире навела А.Н. Медушевского на мысль о существовании так называемых конституционных циклов, когда чередуются демократические и авторитарные фазы поступательного развития конституционализма. См., напр.: Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 455. Суть дела, по нашему мнению, заключается не в смене в определенной последовательности политических форм (их цикличности), а в особенностях имплементации конституционных ценностей в ткань общественного бытия. Иначе говоря, распространение архетипов конституционного правосознания зависит, прежде всего, от способности властвующей и интеллектуальной элиты рационализировать базовые народные

В современной российской правовой науке проблема рецепции публично-правовых институтов и архетипов конституционализма осмысливается или в виде вопроса о взаимоотношении конституционализма и государственного (конституционного) права, или в виде проблематизации правовопонимания. К сожалению, в современной литературе данная проблематика специально нигде не рассматривается⁴. Хотя теоретическое разрешение этого вопроса имеет большое не только научное, но и практическое значение, например при толковании норм действующей Конституции в соответствии с её духом. Исследователи В.Т. Кабышев и Т.М. Пряхина, например, в этой связи считают, что «в науке конституционного права под конституционализмом понимается прямое действие Конституции в конституционной регламентации государственного строя и политического режима, конституционное признание прав и свобод личности, правовой характер взаимоотношений гражданина и государства»⁵. Иначе говоря, эти ученые под конституционализмом имеют в виду определенный способ имплементации архетипов данной формы правосознания в конкретной системе государственного права, что, на наш взгляд, существенно ограничивает регулятивную функцию данной конструкции.

Иного мнения придерживается правовед И.А. Кравец, который полагает, что наиболее важные аспекты взаимосвязи конституционализма и конституционного права проходят по идеологической, исторической, нормативной и социокультурной линиям⁶.

Идеологический аспект способен выявить влияние идей конституционализма на процесс становления, развития и современного состояния российского конституционализма. Из этого следует, что последний явно отличается от архетипов конституционного правосознания. Но какой характер имеет это несовершенство с точки зрения идеала конституционализма, при таком подходе трудно выяснить, поскольку идеал влияет, но не определяет систему государственного

ценности в рамках этой парадигмы, а также от их желания честно следовать всей совокупности правил конституционного поведения. И этот процесс только по форме может быть похож на цикл, но, в сущности, это зигзагообразное движение, зависящее от конкретного соотношения социальных, политических и интеллектуальных сил в конкретной стране в определенный момент времени.

⁴ Пожалуй, единственным исключением является одна монография: Лапаева В.В. Типы правовопонимания: правовая теория и практика. М.: Рос. академия правосудия, 2012; а также одна статья: Кочетков В.В. Конституционализм и свобода: Критика юридического разума // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 17–26.

⁵ Кабышев В.Т., Пряхина Т.М. Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратов. гос. академии права. 1995. № 2. С. 32.

⁶ См.: Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 43–45.

права. А что влияет, и причем тут конституционализм? Зачем он вообще тогда нужен? Эти вопросы остаются в стороне, что может способствовать догматизации институтов в ущерб имплементации архетипам конституционализма.

Исторический аспект раскрывает генезис в историческом пространстве конституционно-правовых актов, институтов и принципов, в ходе которого постепенно и революционно происходит смена типов и исторических форм российского конституционализма. В данном аспекте у И.А. Кравца получается, что российский конституционализм несколько раз в ходе своего исторического развития изменял институты и принципы. Возникает вопрос, насколько правомерно говорить о развитии одного и того же феномена, если в ходе такового меняются его исходные конституирующие принципы. Получается, что или речь идет уже о фактически разных феноменах, последовательно (мирно или насильственно) сменяющих друг друга, или неправильно выделяются осевые принципы конституционализма, если допускается их изменение без изменения существа самого феномена.

Нормативный аспект, согласно мнению И.А. Кравца, формулирует идеал конституционного развития страны, тогда как позитивная нормативность конституционализма ограничивается установлением обязательных правил поведения в конституционном законодательстве страны. Из этого следует, что свойство позитивной нормативности конституционализм приобретает благодаря принципам и правилам, закрепленным в конституции и других правовых актах. Однако для И.А. Кравца характерно более широкое понимание нормативного аспекта: «Конституционализм как нормативная модель определяет, каким должна быть и конституция страны, и практика ее реализации. Поэтому правовое закрепление идей конституционализма — только частичная реализация нормативной модели, а нормы действующего конституционного права всегда будут оценены с позиций желаемой модели конституционализма»⁷. Очевидно, что в данном случае речь идет о воздействии архетипов конституционного правосознания на юридическое оформление системы государственного управления в широком смысле этого понятия. И с этой точки зрения, для того чтобы тавтологического использования понятия нормативности, целесообразно различать архетипы конституционного правосознания (или, просто, конституционализм) и систему государственного права (или власти). Тогда становится понятно, что деонтология конституционализма связана с архетипами правосознания, а их позитивация есть процесс имплементации их вы-

⁷ Кравец И.А. Указ. соч. С. 52.

ражающих и их закрепляющих норм в систему государственного права.

Важным представляется выделение И.А. Кравцом социокультурного аспекта, который прослеживает связь конституционализма с правовой культурой и правовым сознанием определенных классов и всего общества в целом. Без понимания особенностей правосознания властвующих элиты, интеллектуалов, других социальных слоев невозможно выработать эффективную стратегию имплементации архетипов конституционного правосознания в ткань общественного бытия⁸. Однако в современной отечественной правовой науке единственным носителем и движущей социальной силой конституционализма считается так называемый средний класс⁹, что явно не соответствует ни истории, ни логике постановки и решения конституционного вопроса в различных странах на разных этапах (доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном) общественного развития.

Таким образом, необходимо четко различать конституционализм как форму правосознания и конституционализм как систему государственного права. Первый оказывает влияние на второй, который для простоты мы и называем государственным правом (или системой власти). Суть этого влияния сводится к тому, что архетипы конституционного правосознания задают критерий оценки действующего государственного права. На этапе своего зарождения эти архетипы делали это в ходе постановки и решения конституционного вопроса. А дальнейшая их рационализация становилась внутренним источником развития конституционализма.

Рассмотрим, как можно применить наши исходные теоретические положения в ходе анализа постановки и решения конституционного вопроса в Российской империи в начале XX в., когда на фоне неудач в японо-русской войне в 1904 г. начался кризис легитимности самодержавия. Способом его разрешения являлось, по мнению российских либералов того времени, установление конституционного режима. В этих условиях важно было определить природу конституционного государства как такового, для того чтобы сформулировать правильные политические задачи.

Основными конституционными идеями того времени являлись: ограничение самодержавия и введение представительного правления, провозглашение политических и гражданских прав и свобод подданных, утверждение верховенства права и законности, а также всеобщего избирательного права, то есть установление реальной

демократии и конституционной монархии. Как писал в этой связи Н.И. Лазаревский: «По существу своему принципы конституционного строя могут быть сведены к трем основным началам: (1) народное представительство; (2) разделение властей; (3) права гражданской свободы»¹⁰. Российские конституционалисты предприняли попытку осмыслить и обосновать эти идеи в теории «конституционного государства».

Под конституционным государством они понимали такое государственное устройство, при котором народные представители, избранные в двухпалатный парламент, имеют исключительное право издавать законы, контролировать через разнообразные правовые механизмы исполнительную власть и поддерживать независимость суда, который только и может обеспечить реальную защиту прав и свобод граждан. Но при этом ведущим элементом данного понятия было наличие парламента. Например, по мнению В.М. Гессена, «господство законодательной власти в конституционном государстве является следствием её представительского характера. Закон как выражение общей воли господствует над “частными” волями органов государственной власти»¹¹. При этом, согласно конституционной доктрине того времени, закон отличается от любого другого нормативного (правительственного) акта своей высшей юридической силой. Верховенство права сводилось ими к подчинению исполнительной власти закону, понимаемому в формальном смысле как нормативный акт, принятый органом народного представительства. В силу этого российские конституционалисты начала XX в. признали за конституцию, как мы покажем ниже, мнимый конституционализм Основных законов 1906 г. и тем самыми лишились возможности по существу разработать ему теоретическую альтернативу и донести это до граждан. В итоге, как известно, российский народ в октябре 1917 г. отверг Основные законы 1906 г. вместе с конституционным путем развития страны.

Российские правоведы начала XX в. считали, что конституционное государство возникает естественноисторическим путем. И что задачей науки конституционного права является объяснение этой необходимости неразумным представителям элиты и народа. Как отмечал в этой связи С.А. Корф: «Общераспространенность факта возникновения конституционной формы государственного строя ясно свидетельствует, что таковая не есть какое-либо местное или случайное явление, а особая стадия развития государственности, обуславливаемая некоторыми также общераспространенными социальными факторами; во всех государствах, достигавших известную ступень культуры, под влиянием

⁸ Рассмотрению взаимосвязи конституционализма с определенными социальными слоями в современной России посвящена наша монография, см.: Кочетков В.В. Российская элита и модернизация политической системы. М.: Инфра-М, 2013.

⁹ См., напр.: Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 3–8.

¹⁰ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное право. СПб.: Слово, 1908. С. 4.

¹¹ Гессен В.М. Основы конституционного права. М.: РОССПЭН, 2010. С. 72.

растущего народного образования, национального самосознания, наступает момент, когда народ проявляет стремление, в той или другой форме, участвовать в осуществлении функций государственной власти, чаще всего в законодательстве. Внутренним стимулом этого фактора повсюду бывала неудовлетворенность личного статуса гражданина в государстве, другими словами, необеспеченность его личных прав от посягательств всемогущей государственной власти»¹².

Иначе говоря, несмотря на исторические факты, говорящие о длительности процесса рецепции конституционных институтов в различных странах, российские конституционалисты начала XX в. в общем и целом были почему-то убеждены в том, что в России этот процесс будет скоротечен и успешен. Хотя М.М. Ковалевский подчеркивал, что суть процесса рецепции правовых институтов состоит не в их механическом копировании. Описывая этот процесс, он отмечал следующее: «Государственный быт отдельных стран и народов складывается не под влиянием одного самостоятельного роста унаследованных от предков учреждений. Не столько заимствование, сколько приспособление иноземных порядков, признаваемых в данный момент образцовыми, всегда играло и продолжает играть значительную роль в публичном праве столько же, сколько и в гражданском»¹³.

Однако если использовать метод рассмотрения феномена конституционализма в единстве исторического и логического аспектов, то мы получим другую картину. С точки зрения истории, конституционное государство является продуктом естественного развития англосаксонских народов, достигшим своей вершины в Конституции США 1787 г. и Билле о правах 1791 г. Именно Британия в XVIII в. и США в XIX в. стали образцом для подражания и предметом осмысления для ведущих интеллектуалов в других странах. Иначе говоря, с исторической точки зрения, конституционное государство сначала сформировалось в Англии, а потом рационализировалось (осмыслялось и анализировалось) в США. Успехи этих стран в международной конкуренции, а также череда буржуазных революций в XIX в. показали неэффективность государств Старого режима¹⁴ и подвигли их элиты на реформирование через конституционализацию своей власти.

С логической точки зрения, предпосылки теории конституционализма необходимо искать в принципах английского общего права (*common*

law), которые исходят при разрешении правового спора из предпосылки существования стоящей над любой властью справедливости, а также из частноправовой теории собственности. Как известно, в сфере гражданского оборота лицо имеет абсолютную свободу, то есть власть над вещью¹⁵. С развитием товарно-денежных отношений с XII в. в Англии принципы гражданского оборота стали всеобщими, а значит индивид, имеющий власть над вещами (деньгами), необходимыми для монарха, перестает быть только объектом для власти. Он стремится распространить принцип равенства сторон из гражданского оборота на сферу публично-властных отношений. Сначала он просто откупается от власти, и так появляются личные права. Затем он за свой вклад в виде налогов получает право влиять на власть — так появляются первые парламенты и гражданские (политические) права, основанные на имущественных цензах. И только социальная борьба, проходящая красной нитью через XIX–XX столетия, распространила эти и другие права на весь остальной народ (сначала на мужчин, достигших определенного возраста, а затем и на женщин).

Позиция российских конституционалистов начала XX в. приводила к тому, что всякие другие возможности общественного развития (народничество идеология эсеров, большевизм) рассматривались как не представляющие серьезного интереса, а значит, им не противопоставлялись теоретические альтернативы. На практике это привело к тому, что в период после Февральской революции никто не спешил с созывом Учредительного собрания и с выработкой новой конституции. В то время как отсутствие легитимной власти приводило к хаосу в системе государственного управления и к военным неудачам на фронте, что способствовало радикализации народных масс и в конечном счете удивительно легкому захвату большевиками власти в октябре 1917 г.

Выдвигая тезис о народном суверенитете и о народном правосознании как источнике законодательства в конституционном государстве вообще, российские ученые того времени полностью игнорировали тот факт, что правосознание конкретного русского народа не принимало малопонятные ему конструкции конституционного права. Что и привело российских конституционалистов начала XX в. к отрыву от интересов крестьянства по вопросу о земле, от интересов рабочих по вопросу

¹² Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. СПб.: Изд-во скоропеч. А. Левинсон, 1915. С. 49–50.

¹³ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 38.

¹⁴ Термин Алексиса де Токвиля, который он использовал в книге «Старый порядок и революция» для обозначения режима абсолютной монархии с дифференцированным правовым статусом различных сословий и с безответственным (в правовом смысле) аппаратом государственного управления.

¹⁵ Вдумчивый читатель может возразить, что институт частной собственности как *jus utendi et abutendi* был детально еще разработан в древнеримском частном праве, однако, он оказался вполне совместим с неограниченным произволом императорской власти, и, следовательно, сам по себе этот институт ничего не гарантирует и не обеспечивает. Отличие же английского общего права в том и состоит, что правосубъектность не редуцируется к частной собственности, а основывается на его частной и публичной свободе, подкрепленной справедливостью независимого правосудия, в котором участвуют равные социальные субъекты.

о социальных правах, от интересов национальных меньшинств по вопросу о федерализации Российской империи. Как мы помним, свои ответы на эти запросы дали левые эсеры и большевики в октябре 1917 г., но эти ответы радикально отличались от теории конституционализма.

Справедливо различая конституционное и правовое государства, они исповедовали, исходя из приоритета законодательной власти и формального определения закона, принцип верховенства законов. Хотя в форму закона, как известно, может быть облачен и произвол. Игнорируя различия между законом как рационализированной волей государственной власти, и правом, как рационализированной справедливости, они лишали себя критерия отделения правового закона от неправового нормативного акта. Теоретически эту коллизию мог бы разрешать, по примеру США, некий Верховный суд на основе толкования норм и духа конституции. Но этот вопрос детально не был проработан в их теориях. А как быть в условиях мнимого конституционализма, где искать право для оценки таких законов, этим вопросом они в силу вышеуказанных ограничений вообще не озадачивались¹⁶.

И последнее, но не по значению. Сводя все учение конституционализма к теории конституционного государства, они существенно обедняли данную парадигму. Справедливо полагая, что защита прав и свобод граждан есть имманентная цель конституционного государства, они игнорировали, что признание ценности прав человека должна произойти и самими гражданами, и представителями властвующей элиты. Как справедливо заметил Б.А. Кистяковский: «Правовые идеи нельзя просто “заимствовать”, в сознании каждого народа они получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок»¹⁷. Даже если было бы возможно получить их в готовых формах, то этого было бы недостаточно: «Надо в известный момент жизни быть всецело охваченными ими <...> Между тем правосознание русской интеллигенции никогда не было охвачено всецело идеями прав личности и правового государства; и они не пережиты вполне нашей интеллигенцией»¹⁸. По оценке Б.А. Кистяковского, обе стороны этого идеала — личность, дисциплинированная правом, и личность, наделенная правами и свободно пользующаяся ими, были одинаково чужды правосознанию российской интеллигенции. А ведь вполне очевидно, что без стремления честно следовать правилам общежития в конституционном государстве всеми, и

прежде всего представителями элиты, любые, даже самые замечательные и теоретически проработанные юридические институты конституционного государства будут мертвы. И даже хуже того, они будут подрывать легитимность такого государства, что будет способствовать приходу к власти самых радикальных противников свободы.

Если обратиться к анализу текста Основных законов 1906 г., то можно сделать вывод, что первая российская конституция, по сути дела, имитировала введение в государственную жизнь основных принципов конституционализма. По признанию одного теоретика самодержавного правосознания, «реформы 1905–1906 гг. не изменили известных основ государственной власти, они установили иной порядок ее волеизъявления»¹⁹. Ведь согласно правовой доктрине того времени, архетипами системы русской власти являлись самодержавие главы государства и дистинкция верховного и подчиненного управления. Именно эти ценности были закреплены в Основных законах 1906 г.

Проверим, что изменилось с их принятием с точки зрения конституционного и самодержавного правосознания. Так, вместо двухпалатного законодательного органа народного представительства были созданы два равноправных законодательных собрания — Государственный Совет и Государственная Дума, с весьма ограниченными полномочиями в сфере законотворчества. По справедливой оценке А.Н. Захарова: «Реформы законодательных органов, в смысле привлечения к работе выборных от населения и установления формального понятия закона, явились основой нынешних перемен в нашем государственном строе. Отныне понятие закона, понятие формальное, стало точно установленным, и признаками такового является определение внутреннего содержания закона двусторонним соглашением Государственной Думы — палаты народных интересов, и Государственного Совета — палаты государственного опыта и утверждение такого законопроекта Государем Императором»²⁰.

При этом, по сути дела, законодательная инициатива была в руках исполнительной власти. К тому же депутаты Государственной Думы и члены Государственного Совета имели очень незначительные полномочия в области контроля над исполнительной властью. Бюджетный процесс был построен таким образом, что народные представители не имели возможности реально влиять на формирование и распределение бюджета, а в области контроля над его исполнением они всего лишь утверждали фактически произведенные государственные расходы. Не было также предусмотрено в «первой российской конституции» никаких механизмов привлечения к ответствен-

¹⁶ Представляется, что именно поэтому знаменитое Выборгское воззвание к народу, подписанное почти всем составом разогнанной Думы в 1906 г., с призывом к актам гражданского неповиновения, не нашло отклика среди народных масс.

¹⁷ Кистяковский Б.А. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 113.

¹⁸ Там же. С. 114

¹⁹ Захаров Н.А. Система русской государственной власти: юридическое исследование. Новочеркасск: Тип. Ф. Туникова, 1912. С. 115.

²⁰ Захаров Н.А. Указ. соч. С. 176–177.

ности министров, да и сами депутаты имели весьма ограниченную неприкосновенность.

Кроме того, важнейший архетип русской системы власти — неограниченное самодержавие главы государства также был сохранен и конкретизирован в первой русской конституции. В этой связи П.Е. Казанский был даже убежден в том, что «нельзя усмотреть никакого различия между формулами императорской власти в старых Основных законах (1892 г. — В.К.) и в законах новых (1906 г. — В.К.). Как те, так и другие постановляют, что Государю Императору принадлежит полнота государственной власти»²¹.

То же самое можно сказать и о дистинкции верховного и подчиненного управления. В своё время Н.М. Коркунов обосновывал значение понятия «верховного управления» следующим образом: «Различие верховного и подчиненного управления имеет совершенно общее значение для всех государств, независимо от различия их устройства. В каждом государстве, будет ли это монархия или республика, властвование проявляется не только в исполнении существующих законов, но также в издании новых законов, в отмене старых и в разрешении вопросов, не определенных наперед законом. Это свободное, не определенное в своем содержании раньше изданными законами осуществление властвования обусловлено не особенностью органов власти, а особенностью целей властвования и потому не зависит от или другой формы правления»²². Из приведенного отрывка четко видны архетипы самодержавного правосознания. Если конституционализм видит своей задачей рациональную организацию государственной жизни на основе законов, создаваемых самим народом в лице своих представителей, и, следовательно, отклонение от закона или необходимость управления при пробелах закона носит исключительный (или чрезвычайный) характер, то для самодержавного правосознания, несмотря на декларируемую приверженность к управлению государством на основе законов, характерно отсутствие стремления рационализировать (нормировать) способы властвования и, следовательно, исключительность (чрезвычайность) управления носит постоянный характер.

Точное понимание архетипа «верховного управления» с точки зрения самодержавного правосознания мы можем найти у того же Н.М. Коркунова, который писал: «Компетенция верховного управления не определяется какими-либо положительными началами, а только, так сказать, отрицательно. И для верховного управления обязательны законодательные постановления. И верховное управление не имеет права вторгаться в разрешение дел, подлежащих ведению судебной власти.

Но за этими двумя ограничениями деятельность верховного управления совершенно свободна. Ему предоставляется не заведование отдельными, наперед определенными, задачами государственной жизни, а дается общее полномочие управления государством»²³.

Именно поэтому в ходе реализации Основных законов 1906 г. их положения часто нарушались монархом и правительством. Права и свободы, закрепленные в их нормах, но не обеспеченные специальным законодательством, регулировались «временными правилами». Это объяснялось тем, что «понятие конституции не влечет за собой отмену самодержавной власти, а лишь определяет ее сущность. С одной стороны, ее можно понимать как основное свойство нашей Верховной объединенной государственной власти, а с другой, как власть непосредственного волеизъявления, установленную в общих своих чертах в основных законах и непосредственную в этой сфере применения, или вовсе не упоминаемую, но могущую проявить себя в экстраординарную минуту жизни государства»²⁴.

Далее. Несмотря на то, что принцип разделения властей был формально проведен в Основных законах 1906 г., фактически за народным представительством император и его окружение не признавали никакого самостоятельного значения. А.Н. Захаров обосновывал это следующим образом: «Наша конституция ограничила, прежде всего, само понятие закона, но не свободное волеизъявление Верховной власти, как в области законодательства, так и в иных областях властвования. Вместе с тем не следует упускать из вида, что законодательные палаты определяют лишь содержание закона, но вовсе не законодательствуют»²⁵. Силу закону придавал император. Кроме того, как гласила ст. 10 Основных законов 1906 г.: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего государства Российского. В управлении Верховном власть Его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его именем и по Его повелениям»²⁶.

Как полагали теоретики самодержавного правосознания, «по общему смыслу нашей конституции, по ее характеру октроирования, следует заключить, что все власти покоятся в особе императора и находят себе выражение в делегировании их известным учреждениям»²⁷. А, как известно, тот,

²¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М.: ФондИВ, 2007. С. 47.

²² Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. II. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. С. 7.

²³ Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. С. 257.

²⁴ Захаров Н.А. Указ. соч. С. 279–280.

²⁵ Там же. С. 286.

²⁶ Высочайше утвержденные «Основные государственные законы» от 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений. 1906. Отд. 1. № 98. Ст. 603.

²⁷ Захаров Н.А. Указ. соч. С. 122.

кто делегирует, может и корректировать. Поэтому в случае малейшего неповиновения Государственная Дума распускалась, одновременно изменялось по Указу Государя избирательное законодательство. Оправдывалось это тем, что самодержец обладает правом верховного управления, которое реализует непосредственно. Так происходило до тех пор, пока российской властвующей элите того времени не удалось сформировать послушную и управляемую Государственную Думу, только к этому моменту дни самодержавия были уже сочтены.

Мнимый конституционализм проявлялся не только в сфере законодательства, когда законодательная инициатива была у Государя и его министров, а некоторые сферы правового регулирования — строение армии и флота, чрезвычайное положение — были изъяты из компетенции органа народного представительства, но также и в сфере государственного управления (отсутствие механизмов ответственности исполнительной власти перед законодательной властью, возможность управления страной на основе чрезвычайных указов, неконтролируемость бюджетного процесса); и в сфере судебной защиты (отсутствие механизмов судебной защиты субъективных публичных прав граждан, распространение практики придания гражданских лиц военному суду).

В этой связи представляет интерес отношение представителей самодержавного правосознания к одновременному роспуску Второй Государственной Думы и изменением избирательного закона от 3 июня 1907 г. Они были согласны с тем, что это своеобразный разрыв в праве, но исходили из того, что правовыми средствами кризис во взаимоотношениях Думы и правительства нельзя было разрешить. Как писал А.Н. Захаров по этому поводу: «если юридически такой взгляд и последователен, то юридически же не было способов иного разрешения вопроса, и тут применение власти самодержавной не есть осуществление стереотипных норм закона, ее действия, и ее сила и заключаются именно в том, что она действовала тогда, когда нормы закона оказались бессильны и попадали в *circulus vitiosus*»²⁸. Возникает правомерный вопрос: кто может указать на неправомерность действий правительства и самодержавного монарха? Только Государственная Дума, но новая Дума уже избиралась по неправомерному закону. «В этом заключается та сила факта, которая может служить известным основанием для создания правоотношений»²⁹.

Иначе говоря, самодержавие как верховная власть в этом и проявляется — в волевом установлении желательных ему фактов и в устранении фактов для него нежелательных. А где в этом случае проходит грань между произволом и правом? А.Н. Захаров, например, так отвечал на этот во-

прос: «Государственная власть, обладая признанной за ней принудительной властью, может создавать веления и требовать их исполнения, но опять-таки и возможность такого рода действий покоится, с одной стороны, на общем признании за государственной властью права создания юридических норм, а с другой, обязанности подданных государства им подчиняться. <...> Укрепление идеи самодержавия шло рука об руку с внутренним сознанием населения его самобытных национальных основ»³⁰. На наш взгляд, это совершенно не убедительно. Из того факта, что русский народ и его государство длительное время существовали при режиме самодержавия, совершенно не следует, что одно предполагает другое. Кроме того, вся эта метафизика единства самодержавия и народного правосознания не может ответить и на другой вопрос: если требовать, чтобы все госучреждения соответствовали правосознанию народа, то как тогда вообще возможно развитие государства и правовых норм? Ведь Николай II пошел на изменение Основных законов не по доброй воле, а под давлением революции. Говоря о соответствии государственных органов народному правосознанию, нужно быть готовым к тому, что можешь продемонстрировать, как выявить это правосознание. По нашему мнению, это никак нельзя сделать, как и распознать пресловутую общую волю Ж.-Ж. Руссо. Консерватизм народного сознания известен, откуда взялись тогда все правовые идеи Нового времени? На самом деле, они были продуктом рационализации права, идеи человеческого достоинства и свободы.

Таким образом, самодержавное правосознание способствовало тому, что российская правящая элита начала XX в. считала возможным игнорировать имплементацию архетипов конституционного правосознания и ограничиваться рецепцией некоторых конституционных институтов, что приводило к потере властью всякой легитимности в глазах общества. Один из идейных монархистов того времени — А.И. Гучков — так описывал сложившуюся к началу 1917 г. ситуацию: «Историческая драма, которую мы сейчас переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против её вождей, авторитет правительственной власти от носителей этой власти»³¹. Именно практика мнимого конституционализма привела Российскую империю к краху 1917 г., а теория конституционного государства в том виде, как её разрабатывали ведущие юристы, не позволила разрешить конституционный вопрос того времени.

Подводя итоги нашего анализа проблемы рецепции конституционных институтов и архетипов,

³⁰ Захаров Н.А. Указ. соч. С. 293–294.

³¹ Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908–1917. Пг., 1917. С. 18.

²⁸ Захаров Н.А. Указ. соч. С. 303.

²⁹ Там же. С. 304.

хотелось бы подчеркнуть следующее. Конечно, отставание России в конституционном (а значит, и в экономическом, социальном, культурном) развитии не может быть преодолено путем догматического заимствования юридических формул, выработанных зарубежными правоведами в иных исторических и социальных условиях. Решение этой задачи возможно только через выявление нормативного (ценностного) содержания конституционализма, которое, на самом деле, не сводится к понятию «конституционное государство». И через последующее оформление его в виде целостной системы позитивного (конституционного, административного и т.д.) права, адекватной вызовам индустриальной (тогда) или постиндустриальной (в настоящее время) эпохам.

Список литературы:

1. Высочайше утвержденные «Основные государственные законы» от 23 апреля 1906 г. // Собрание узаконений. 1906. Отд. 1. № 98. Ст. 603.
2. Гессен В.М. Основы конституционного права. М.: РОССПЭН, 2010. 495 с.
3. Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908–1917. Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1917. 130 с.
4. Захаров Н.А. Система русской государственной власти: юрид. исследование. Новочеркасск: Тип. Ф. Туникова, 1912. 324 с.
5. Кабышев В.Т., Пряхина Т.М. Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратов. гос. академии права. 1995. № 2. С. 31–41.
6. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М.: ФондИВ, 2007. 600 с.
7. Кистьяковский Б.А. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 109–135.
8. Ковалевский М.М. Общее конституционное право. Ч. II. СПб.: Тип. «Север», 1908. 119 с.
9. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. II. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 595 с.
10. Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. 508 с.
11. Корф С.А. Русское государственное право. Ч. I. СПб.: Изд-во скоропеч. А. Левинсон, 1915. 321 с.
12. Кочетков В.В. Конституционализм и свобода: Критика юридического разума // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 17–26.
13. Кочетков В.В. Российская элита и модернизация политической системы. М.: Инфра-М, 2013. 79 с.
14. Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 675 с.
15. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 258 с.
16. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I: Конституционное право. СПб.: Слово, 1908. 516 с.
17. Лапаева В.В. Типы правовопонимания: правовая теория и практика. М.: Рос. академия правосудия, 2012. 580 с.
18. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 574 с.

Constitutionalism and the archetypes of russian power (casus in 1906)

Kochetkov V.V.

PhD in philosophy, a senior lecturer at the Department of the state and municipal management of the Civil Defense Academy of EMERCOM of Russia
E-mail: vovov69@mail.ru

Abstract. *In this article, based on an understanding of constitutionalism as a special form of justice the author considers the process of reception of the constitutional public-law institutions and archetypes in a society dominated by the traditional sense of justice, by analyzing the text of the Main Laws of the Russian Empire in 1906, as well as doctrinal interpretations of their provisions of the lawyers of that time.*
Keywords: *constitutionalism, archetype, public-law institution, reception, autocracy, the Russian Main laws in 1906, the October Revolution of 1917.*

References:

1. Vysochaishe utverzhdennye «Osnovnye gosudarstvennye zakony» ot 23 aprelya 1906 g. // Sobranie uzakonenii. 1906. Otd. 1. № 98. St. 603.
2. Gessen V.M. Osnovy konstitucionnogo prava. M.: ROSSPEN, 2010. 495 s.
3. Guchkov A.I. Rechi po voprosam gosudarstvennoi oborony i ob obshei politike. 1908-1917. Pg.: Tip. t-va A.S. Suvorina «Novoe vremya», 1917. 130 s.
4. Zaharov N.A. Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti: yurid. issledovanie. Novoчеркасск: Tip. F. Tunikova, 1912. 324 s.
5. Kabyshev V.T., Pryahina T.M. Teoreticheskie problemy rossiiskogo konstitucionalizma // Vestnik Sarat. gos. akademii prava. 1995. № 2. S. 31–41.
6. Kazanskii P.E. Vlast' Vserossiiskogo Imperatora. M.: FondIV, 2007. 600 s.
7. Kistyakovskii B.A. V zashitu prava. (Intelligenciya i pravosoznanie) // Vehi. Intelligenciya v Rossii: sb. st. 1909–1910. M.: Molodaya gvardiya, 1991. S. 109–135.
8. Kovalevskii M.M. Obshee konstitucionnoe pravo. Ch. II. SPb.: Tip. «Sever», 1908. 119 s.
9. Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. II. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1909. 595 s.
10. Korkunov N.M. Ukaz i zakon. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1894. 508 s.
11. Korf S.A. Russkoe gosudarstvennoe pravo. Ch. I. SPb.: Izd-vo skoropech. A. Levinson, 1915. 321 s.
12. Kochetkov V.V. Konstitucionalizm i svoboda: Kritika yuridicheskogo razuma // Voprosy filosofii. 2012. № 7. S. 17–26.
13. Kochetkov V.V. Rossiiskaya elita i modernizaciya politicheskoi sistemy. M.: Infra-M, 2013. 79 s.
14. Kravec I.A. Rossiiskii konstitucionalizm: problemy stanovleniya, razvitiya i osushestvleniya. SPb.: Yurid. centr Press, 2005. 675 s.
15. Kutafin O.E. Rossiiskii konstitucionalizm. M.: Norma, 2008. 258 s.
16. Lazarevskii N.I. Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. 1: Konstitucionnoe pravo. SPb.: Slovo, 1908. 516 s.
17. Lapaeva V.V. Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika. M.: Ros. akademiya pravosudiya, 2012. 580 s.
18. Medushevskii A.N. Teoriya konstitucionnyh ciklov. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. 574 s.